

Попытка психоаналитической интерпретации современного кризиса в Украине

Вена, 5 декабря 2014 г.

© М.М.Решетников

Врач и психолог, д.психол.н., к.м.н., профессор, засл. деятель науки РФ. Организатор и ректор Восточно-Европейского Института Психоанализа (Санкт-Петербург), президент Европейской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии (Вена, Австрия) и ЕКПП-Россия, председатель Общероссийского Совета по Психотерапии и Консультированию (Москва). <http://reshetnikov.org/ru/blog/blog>

Дорогие коллеги и друзья, я хочу поблагодарить инициаторов этой конференции профессоров Альфреда Притца и Александра Фильца. Я также хочу поблагодарить всех участников за готовность к диалогу.

Я надеюсь, что мы собрались здесь не для того, чтобы повторять то, что пишут и показывают наши национальные СМИ – журналисты всегда политизированы и пристрастны, и это естественно; они в любой стране зависимы, и не только от читателей и общественного мнения, но и от наличной власти и от своих работодателей.

Наша задача представляется мне качественно иной. Эта задача состоит не в поиске правых и виноватых, не оправданиях или обвинениях кого-либо, а в том, чтобы попытаться найти глубинные корни современной ситуации на Украине и попытаться понять причины современного кризиса российско-украинских отношений. Самостоятельной сверхзадачей является поиск психологических механизмов, которые могли бы способствовать улучшению сложившейся ситуации.

Я сразу хотел бы подчеркнуть, что я не являюсь политиком или государственным деятелем. Поэтому я буду стараться оставаться в рамках своей компетенции, избегая политизации обсуждаемых проблем. Хотя я родился на Украине – я русский и гражданин России, поэтому мои попытки быть объективным также несвободны, и я осознаю это. Но я надеюсь, что общение с моими украинскими коллегами позволит мне создать более точное представление о происходящем.

Я пытался построить мое краткое сообщение исключительно на психологических, психоисторических и психоаналитических концепциях. Еще раз повторю, не знаю – насколько мне это удалось. Дискуссия покажет. Учитывая, что мы находимся в профессиональной аудитории, я только обозначу те психологические и психоаналитические концепции, которые были положены в основу моего доклада.

Прежде всего, это понимающая психология, основы которой были заложены Вильгельмом Дильтеем, Карлом Ясперсом и др. Напомню главную идею Дильтея: «Природу мы объясняем, а душевную жизнь понимаем». Думаю, точнее, будет сказать – «пытаемся понять». Не менее существенным для моих рассуждений является следующий тезис К. Ясперса: «Каждый человек есть то, что он есть, только потому, что в свое время был заложен совершенно определенный исторический (а не просто общечеловеческий) фундамент»... «Реальная психическая жизнь немыслима вне традиций, передаваемых ему через ту человеческую общность, среди которой он живет»... «В сфере наследственных связей ничто не забывается».

Второй концепцией, которая мной использовалась в докладе, является психоанализ Фрейда, в частности, концепция идентификации. «Идентификация (по Фрейду) представляет собой самую первоначальную форму эмоциональной связи» – с отцом, матерью, родом, племенем, народом.

Следующая концепция – «передачи следующему поколению» («trans-generational transmission»), также психоаналитическая, была разработана Анной Фрейд и Дороти Берлингем. Кратко ее суть: дети выживших (после национальных трагедий) гораздо глубже идентифицируются с

родителями, и проявляют признаки и симптомы, относящиеся к прошлым психическим содержаниям их родителей и в целом – к прошлому (свидетелями которого они не были, и быть не могли). После массовой психической травмы (вызванной большой враждебной группой) одновременно тысячи или даже миллионы индивидов вкладывают свои травматизированные образы в детей. В итоге возникает кумулятивный эффект, который определяет психическое содержание идентичности большой группы. Общая задача травмированного социума может трансформироваться от поколения к поколению. Например, в одном поколении она может заключаться в оплакивании травмы предков, чувство стыда и осознании принесенной жертвы. В следующем поколении общая задача может выразиться в потребности мести за утраты и жертвы (хотя это и не единственные и не безальтернативные варианты).

Еще раз вернемся к Фрейду и его идеи о необоснованности противопоставления индивидуальных и массовых психических феноменов, где автор подчеркивает, что в этом противопоставлении «...многое из своей остроты при ближайшем рассмотрении теряет», в силу чего психология отдельной личности «...с самого начала является одновременно также и психологией социальной...». Фрейд также дополняет этот вывод тезисом о необходимости рассматривать каждого отдельного человека не как самостоятельного субъекта, а «...как члена племени, народа, касты, сословия, институции...».

В моих публикациях уже многократно упоминалась и развивалась идея профессора Вамика Волкана о том, что все межнациональные конфликты развиваются по сценарию паранойи. Почему именно паранойя? Потому что главными психическими механизмами, которые обнаруживаются во всех межнациональных конфликтах, являются проекция и проективная идентификация, суть которой кратко можно выразить следующей фразой: «Это не я преследую и ненавижу X, это он преследует и ненавидит меня». Добавлю, что во многих случаях межнациональных конфликтов такая паранойя проявляется с обеих сторон.

После такой краткой преамбулы я перейду к попытке интерпретации современных событий в Украине, и начну с психоисторического анализа.

Борьба украинского народа за национальную идентичность и независимость длится на протяжении многих веков. В рамках этого доклада мы коснемся только 3-4 последних столетий. В XVII веке значительная часть населения Украины находилась под польским владычеством. Обращаясь к истории, мы не можем обойти такую выдающуюся личность как Богдан Хмельницкий. В 1647 году он избирается гетманом (предводителем) Войска Запорожского (казацкой военно-политической организации, которая находилась на службе у польского короля), и получает грамоту на гетманство от короля Польши. И тут же (в 1648) начинает войну с Польшей, вначале – за автономию казаков, а затем эта война трансформируется в войну за независимую казацкую Украину «до Львова и Галича». Война с Польшей продолжается 5 лет, но без существенного успеха.

Через 5 лет войны Хмельницкий обращается за помощью к российскому царю Алексею Михайловичу и затем предлагает (в обмен на помощь) присоединить Русь (то есть запорожские земли и захваченные в ходе войны польские территории с их городами и войском) к России. В 1654 это предложение принимается, и казаки переходят в подданство Российского государства. Сразу отмечу, что это событие не получило всенародной поддержки. Русскому царю отказалось присягать высшее православное духовенство в Киеве, значительная часть поселений и казаки насилием принуждались к присяге. Богдана Хмельницкого обвиняли в предательстве интересов украинского народа, были антирусские выступления. Тем не менее, Украина и Россия после этого вместе выступили против Польши. Это была уже другая сила, и победа была близка.

Почему тогда не удалось присоединить к России всю Украину? Польша была также истощенавойной. Этим захотел воспользоваться шведский король Карл X Густав, который нападает на Польшу с Севера (1655), а усиление Швеции никак не входило в интересы России. Россия тут же заключает мир с Польшей и двигает совместные войска России, украинских частей и Польши против шведов. В результате войны образовалась Левобережная Украина, которая вошла в состав России. Западные территории остались под Польским владычеством. Украинский народ стал разделенным народом с разной исторической перспективой.

Напомню, что территория Российской империи не имела какого-либо деления по национальному признаку – она была разделена на губернии, одной из которых была Киевская губерния. После революции 1917 года вся территория Российской империи была разделена вначале на области, а позднее (1922) появились 15 национальных республик СССР. При этом границы между республиками никакой роли не играли, они проводились произвольно, исходя из политической целесообразности.

Например, поскольку население Киевской губернии занималось в основном сельским хозяйством, а крестьяне считались плохими союзниками советской власти, было решено усилить украинскую республику «рабочей прослойкой». Для этого в состав советской Украины (простым росчерком пера по карте) были переданы ряд российских индустриальных районов, в том числе – нынешние Донецкая и Луганская области – с русским населением. Но в условиях единого тоталитарного государства это никакого значения не имело.

При этом, повторю еще раз – территория современной Западной Украины на протяжении всех столетий оставалась под польским, литовским или австро-венгерским владычеством. И там постоянно вспыхивали протестные национально-освободительные движения.

Однако в 1939 году по пакту Молотова-Риббентропа значительная часть территории (принадлежавшая Польше, но с преимущественно украинским населением) была присоединена – вроде бы – к советской Украине, но точнее будет говорить, что присоединилась к СССР (к его общей территории). Вряд ли это было воспринято западными украинцами как освобождение или воссоединение народа. Для них одна оккупация сменилась другой. Сталинский режим в этот период был на пике своей жестокости. В Западной Украине насиливо насаждалась советская власть, у крестьян отбирали землю и скот, у частных предпринимателей – отнимали их собственность, недовольных арестовывали или расстреливали. Главное состоит в том, что после длительной колониальной истории, хозяевами на своих исторических территориях, западные украинцы так и не стали.

В фашистском руководстве Германии были далеко не глупые люди. Оккупировав в 1941 году территорию Западной Украины, они провозгласили ее население главными хозяевами на их исторических территориях. Это обеспечивало фашистской Германии относительно надежный тыл, а у западных украинцев создавало надежду на независимость. В период немецкой оккупации население Западной Украины создало свою администрацию и полицию, свою дивизии СС, и после нескольких веков унижения они стали жестоко мстить полякам, евреям и русским.

Естественно, что для нас – русских и жителей Восточной Украины, все, кто был связан с фашистами, были и останутся врагами. У нас нет семей, которые не потеряли бы близких в той войне. Мы потеряли 28 млн. своих соотечественников. Но население Западной Украины ненавидело советскую власть (при этом понятия «русский» и «советский» на протяжении длительного периода времени были синонимами), в своем большинстве поддерживало немецких оккупантов и тех, кто с ними сотрудничал. Мы их называем «бандеровцами», а для населения Западной Украины они были борцами за свободу и независимость, как, например, тот же Степан Бандера.

В 1944 году на Западную Украину вновь пришли советские войска – и украинских националистов, естественно, стали преследовать, как пособников фашизма, врагов и предателей. Для нас это была освободительная и антифашистская война, а для них – новая оккупация.

2-я мировая война закончилась в 1945, а борьба с украинскими националистами продолжалась до 1953. В этой борьбе погибло, по разным данным, от 60 тыс. до 90 тыс. чел. с каждой из сторон. В целом, около 200 тыс. Около 100 тыс. были арестованы и отправлены в ссылку. Были публичные расстрелы, виселицы и многие другие методы советского «перевоспитания», о которых было не принято говорить публично. Но семьи погибших бандеровцев помнили и говорили, передавая эту память из поколения в поколение. Поэтому у их детей и внуков иная историческая память, и иное отношение и к фашизму, и к России. Напомню, что речь идет только о части населения Украины.

Но эту часть населения Украины тоже нужно понимать и принимать, как то, что реально существует, и как то, что невозможно быстро изменить. Но и эти люди (с чуждым нам мировоззрением) должны понимать, что и у нас — русских, и у жителей Юго-востока Украины (русских, украинцев и представителей других народов) также иная историческая память. И они должны также научиться ее понимать и принимать.

Констатируем: антирусские настроения части населения Украины существовали веками и периодически усиливались. Их внешние проявления подавлялись, но это не могло повлиять на механизмы передачи следующему поколению. Повторю еще раз уже сказанное во введении: «В сфере наследственных связей ничто не забывается».

Обратимся к нашим дням. Я еще раз повторю — что это мое видение ситуации. И я готов обсуждать иную точку зрения на актуальные события.

Когда в 1991 году Украина отделилась от СССР и стала самостоятельным независимым государством, произошло еще одно никем не замеченное событие. В свое время переданное Украине населения Луганской и Донецкой областей, а также Крым были населены преимущественно русскими и русскоязычными. В СССР это не имело значения — была единая страна. Но в результате в 1991 русский народ стал разделенным народом.

Я не буду анализировать современную политическую ситуацию в Украине. Констатирую только то, что национальная элита Украины беззастенчиво ограбила свой народ в 1990-х. Аналогичная ситуация была и в России в 1990-х, но в Украине этот процесс достиг небывалого размаха.

Социальный кризис в Украине назревал давно, но он отчасти сглаживался перманентными протестными выступлениями (оранжевой революцией и другими), которые выпускали «пар из котла», но не решали главных вопросов.

В ноябре 2013 года началось самое мощное протестное движение, которое давно зрело и было направлено против действующего президента и засилья олигархов. Подчеркнем, что с ноября 2013 по февраль 2014 этот взрыв ненависти и гражданского неповиновения был направлен исключительно против президента и олигархов.

В феврале 2014, когда еще не было никаких проблем с Крымом и Восточной Украиной, это протестное движение в течение нескольких дней становится исключительно антирусским, и все другие проблемы (включая антиолигархические протесты) просто исчезают из украинского информационного пространства. Позволю себе напомнить, что практически все средства массовой информации в Украине принадлежат олигархам. И в этом случае вполне уместно предположить, что имела место переадресация агрессии путем «промывания мозгов». Учитывая то, что у определенного сегмента украинского общества антирусские настроения существовали всегда, это было несложной задачей.

Позволю себе также напомнить, что эта антиолигархическая революция в Украине завершилась с парадоксальным результатом: вместо одного олигарха другой олигарх был избран президентом страны, и еще ряд олигархов были назначены губернаторами.

Возвращаясь к хронологии событий, подчеркну, что до февраля 2014 года в Украине не было никаких проявлений сепаратизма ни в одном из регионов. У меня есть гипотеза о том, как и почему этот сепаратизм появился. 23 февраля 2014 года (кстати — день Российской Армии) в Раду был внесен законопроект о запрете русского языка, как второго государственного. Проект просуществовал всего одну неделю и был заблокирован. Но для большинства населения Крыма и Восточной Украины русский — это родной язык, и единственный язык, на котором они говорят. Поэтому даже попытка такого запрета вызывала мощный протест.

Национальный язык является одним из самых главных факторов национальной идентификации. Уничтожение языка — это тоже самое, что уничтожение нации, а в психоаналитической терминологии — это эквивалент кастрации. В результате этой попытки другое протестное

движение началось в русскоговорящих регионах Украины, причем вначале требования ограничивались вопросами федерализации и автономии (в составе Украины).

Граждане Восточных регионов Украины ни на кого не нападали, ничего не взрывали, ни в кого не стреляли, но они тут же были объявлены сепаратистами и террористами. Для их подавления были тут же направлены вооруженные отряды националистов, и затем регулярные войска. Повторю еще раз – они не на кого не нападали. Но после того, как прозвучали первые выстрелы и появились первые убитые, начали действовать качественно иные психологические механизмы, аналогичные тем, которые действуют при реальной паранойе.

Дополнительные факторы: бывший президент бежал в Россию, прошел референдум и отделение Крыма, начала поступать гуманитарная помощь самопровозглашенным республикам, в рядах донецких и луганских ополченцев появились российские добровольцы – все это способствовало усилению антирусских настроений.

С другой стороны. Мне неизвестно, насколько широко эти явления представлены в Украине, но вызывает существенную обеспокоенность появление таких слоганов, как «Украина превыше всего» (полная калька с германского «Germany über alles!»), ночные факельные шествия, появление фашистской символики (свастики) на плакатах и на униформе украинских военных, и возрождение национализма. Все это создает дополнительные причины для взаимного непонимания.

По моим представлениям, в настоящее время в Украине наблюдается два протестных движения, которые в чем-то подобны, а в чем-то существенно отличаются.

1. Общее. В обоих случаях, и в Киеве, и на Востоке Украины мы наблюдали протестные движения и насильственный захват и смена власти (в обоих случаях нелегитимным путем).

2. Отличия. Новая киевская власть, фактически, провозгласила для восточных регионов: «Вам придется отказаться от вашей исторической памяти, забыть личную и семейную историю – жертвы своих отцов и дедов, своих почитаемых героев, и после этого жить, думать и оценивать все, как мы, и использовать наш язык». По моим представлениям – это принуждение к рабству. И одновременно это месть, так как население западных регионов Украины было вынуждено на протяжении десятилетий почитать историю другого народа и других героев.

Новые лидеры восточных регионов провозгласили: «Мы хотим сохранить свою историческую память, жить и думать так, как сами считаем нужным, почитать своих отцов и дедов и своих национальных героев. Но мы не будем мешать вам жить, так, как вы хотите».

Почему-то мировым сообществом Киевская власть оценивается как повстанцы, а восстание восточных регионов – как террористы.

Если бы несколько тысяч русскоговорящих приехали в Германию или Великобританию или в один из городов Западной Украины, им бы пришлось изучать немецкий, английский или украинский. Это был бы их выбор. Но несколько миллионов жителей Луганской и Донецкой областей никогда и никуда не приезжали; они жили там всегда, на своих исторических территориях и говорили на своем родном языке. Я думаю, что это дает им право на автономию.

Нам всем нужно понять, что невозможно заставить миллионы людей одной национальности считать себя людьми другой национальности.

Нам нужно стремиться к примирению и согласию. Нам следовало бы оплакать всех, кто погиб, и забыть (похоронить) нашу ненависть. Но если мы будем пытаться доказывать друг другу – кто был героем, а кто нет – мир не наступит, как минимум, еще в течение 3-5 поколений наших детей и внуков. Мы хотим этого?

По моим представлениям, в сложившейся ситуации есть два выхода:

1. Понять и принять специфику национальной истории и национальной идентификации восточных и западных граждан Украины и способствовать формированию их общего стремления к миру.

2. Продолжать пытаться заставить одну нацию жить согласно мировоззрению другой нации, и в этом случае эскалация конфликта неизбежна.

Это не территориальная проблема, это проблема различной ментальности.

Тот факт, что мы, люди с различными или даже противоположными точками зрения на исторические и современные события, собрались здесь, дает нам некоторую надежду.

Благодарю за внимание.

Источник: <http://reshetnikov.org/ru/blog/blog>